

Этнографическое интервью: научная пьеса в двух действиях и способ ее интерпретации

DOI: 10.19181/inter.2018.16.3

Дмитрий Рогозин*

В статье предлагаются к обсуждению особенности этнографического интервью как специфического формата исследовательской коммуникации. Представляется, что этнографическое интервью — это не просто устное взаимодействие участников коммуникации, но и последующая интерпретация коммуникативных ситуаций, аналитическая переработка полученного нарратива в структурированные схемы и графики, с подробными дополнительными описаниями. Предложен авторский вариант представления этнографического интервью в виде научной пьесы из двух действий по четыре явления в каждом. Научная пьеса — это, с одной стороны, стилизованная обработка реальной коммуникации, и реплики действующих лиц почти не отличаются от транскрипта интервью. С другой стороны, это пространство для научной дискуссии и образовательной практики, поэтому в пьесу введена роль комментатора, который помогает сконструировать научное оформление пьесы в виде теоретических и методических акцентов на базе диалогов основных действующих лиц. В статье также обсуждаются варианты структурирования и интерпретации этапов этнографического интервью на примере представленной научной пьесы.

Ключевые слова: этнографическое интервью, роль интервьюера, полевой интервьюер, исследовательская коммуникация, диалогичное общение, вопросо-ответная коммуникация, научная пьеса

Идея научной пьесы об этнографическом интервью

Этнографическое интервью — это особый вид разговора, направленный на производство теоретических различий о тех или иных культурных нормах, порядках и практиках. «Коммуникативная машина» этнографического интервью состоит из трёх основных элементов: локализация информантов, коммуникативные навыки и аналитические приёмы (рис. 1).

Локализация информантов — это отбор характеристик людей, которые будут информантами, выбор ключевого информанта, выступающего проводником между исследователями и исследуемым миром, объяснение правил исследования его участникам.

Коммуникативные навыки — это умение поддерживать беседу, весьма близкую к повседневным разговорам и, одновременно, имеющую определенную цель, направленность, со структурно заданными ролями задающего вопросы и отвечающего на них. Мы выделяем четыре базовых навыка: (1) установление отношений, или знакомство; (2) уточняющие вопросы; (3) поддержание нарратива; (4) управление контекстом (см. подробнее: (Рогозин, 2018)).

---

* Рогозин Дмитрий — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. d.rogozin@list.ru

Рис. 1. Методология этнографического интервью

Этнографическое интервью — это не только особая техника ведения разговора, но и приемы его анализа и представления другим. Поэтому уже в ходе разговоров с информантами производится теоретическая работа, вырабатывается и калибруется оптика для описания и представления материала в форме теоретического письма. Ключевым приёмом выступает построение теоретической рамки. Именно задаче построения общей теоретической схемы подчинены: (1) поддержание нарратива, или детальное раскрытие фактологического, эмоционального и этического фона важнейших событий прошлого; (2) управление контекстом, или включение в беседу третьих лиц, разнообразие речевых практик; (3) поддержание незаконченности диалога, сохранение ощущения незавершенности исследования. В словах собеседника интервьюер пытается обнаружить аутентичные описания событий и действий его культурных миров (Roulston, 2010: 19). Представленные в естественной обстановке, они должны быть восприняты и не искажены теоретическими схемами, привнесёнными из других культурных контекстов.

Этнографическое интервью — это череда незавершенных этнографических текстов, сначала представляющих собой бриколаж из устных или транскрибированных форм, заметок, зарисовок и фотографий, а затем структурирующихся в схемы и графики с подробными дополнительными описаниями.

Навыки, необходимые для проведения этнографического интервью, крайне сложно выработать по книгам, инструкциям и советам, без личного проживания ситуации «в поле». Поэтому мы предлагаем интерактивный формат описания (и проживания) ситуации этнографического интервью в виде научной пьесы, в которой наблюдающий будет непосредственным ее участником. Научная пьеса — это, с одной стороны, театрализованная «обработка» реальной коммуникации, с другой — пространство для научной дискуссии, образовательной практики. За первое отвечают реплики участников стилизованного интервью (тёти Вели, Лены, Нади и Василя), лишь немногим отклоняющегося от транскрипта полевого интервью: проведено минимальное редактирование, сокращение нарративов, концентрация релевантных для представления интервью смыслов. За вторую особенность научной пьесы отвечают реплики Комментатора. Последний радикальным образом отличается от привычных исполнителей. Он не играет роль, не повторяет заученный текст, не следует предзаданным инструкциям. Комментатор — не актёр, а научный работник, раскрывающий известные ему техники этнографического интервью в отведенное для этого время.

Пьеса состоит из двух действий, каждое из которых делится на четыре явления. Реплики участников пьесы пронумерованы (в квадратных скобках после имени говорящего), что позволяет ссылаться на них в других сопутствующих текстах. В течение пьесы чаще всего высказывалась Надя: 93 реплики. Однако её реплики — самые короткие, часто состоят из одного-двух подтверждающих междометий: «угу, ага». Тётя Веля произнесла 88 реплик, Лена — 54, Василий — 4 и Комментатор — 6. Реплики Комментатора не определены в базовом тексте пьесы, они включены в авторский комментарий, представленный ниже. Таким образом, каждое исполнение научной пьесы типично по структуре и диалогам участников интервью, но уникально по репликам Комментатора.

Объяснения, опирающиеся на актёрскую игру, интерпретации коммуникативных ситуаций, теоретические вопросы и ответы о технологических особенностях интервьюирования — три составляющие успешного исполнения научной пьесы, основная цель которой — обучение основам этнографического интервью и обозначение границ этого метода в социальных и культурных исследованиях.

Далее представлен текст пьесы, а вслед за ним — размышления по поводу её интерпретации.

НАУЧНАЯ ПЬЕСА

Л И Ц А

ТЁТЯ ВЕЛЯ, Авелина Прокопьевна, 75 лет, живёт в Синиках с рождения; сейчас одна, муж умер несколько лет назад, дочь трагически погибла в пятилетнем возрасте, взрослый сын с семьей живут в городе.

ЛЕНА, племянница тёти Вели, чуть старше 55 лет, недавно вышла на пенсию, но продолжает работать учителем литературы в школе. Собрала материалы и написала книгу об истории родного села. Помогает тёте Веле, навещает её.

НАДЯ, полевой интервьюер, чуть старше 30 лет, приехала в Синики брать этнографические интервью. Светловолосая, в потертых джинсах и вязаном свитере. Ходит в валенках, которые нашла за печкой в доме Василия.

ВАСИЛИЙ, ключевой информант, чуть старше 60-ти, коренной житель деревни, еще в молодости переехавший в другой регион. Знакомит и представляет жителей, является проводником полевых интервьюеров в сельский мир.

КОММЕНТАТОР, любой профессиональный полевой интервьюер, готовый поделиться опытом и рассказать об особенностях этнографического интервью. Его монологи могут быть построены как фрагменты лекции, семинара или тренинга. Он может инициировать дискуссию или давать задания. Единственное ограничение — время. На протяжении пьесы Комментатору дается несколько не очень продолжительных реплик. Исходя из общей длительности пьесы, было решено ограничить общее сценическое время реплик Комментатора тридцатью минутами. Каждая реплика Комментатора логически встроена в канву изложения, в его ключевые эпизоды. Всего таких вставок шесть, соответственно, продолжительность каждой — около 5 минут.

Комментатор не общается с остальными героями, наблюдая со стороны за происходящим, комментируя и акцентируя внимание на особенностях интервью. Речь Комментатора построена на личном опыте и публикациях об этнографическом интервью. Он говорит спонтанно, импровизирует, комментирует прозвучавшие диалоги, рассказывает собственные истории или отсылает к публикациям других авторов. Задача Комментатора — в отведенное время раскрыть методические и методологические особенности этнографического интервью. Комментатора могут играть несколько человек.

Речь участников пьесы представлена «как есть», со всеми просторечиями, оговорками и ошибками.

Действия проходят в деревне Синики Устьянского района Архангельской области, «на краю света» (по словам жителя поселка Октябрьский, районного центра, расположенного в 170 км к юго-западу от деревни). Снежный декабрь 2017-го, оттепель.

В левом углу сцены стоит стул, на котором сидит, временами стоит, автор пьесы. Стул нарочито отличается от остальных декораций, подчеркивая иное пространство. Во время монологов Комментатора, общий свет гаснет, и прожектор выхватывает лишь небольшой участок вокруг говорящего.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Деревенская изба-пятистенок. В углу слева топится русская печь. Пара полешек, прислоненная кочерга. Железная кровать справа, стол, иконка в углу. Белые занавески с рюшечками. Домотканый половик стелется от порога к самому столу.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

На д я и В а с и л и й заходят в избу, нагибаются, чтобы не удариться об осевший от времени дверной проём. Т ё т я В е л я сидит на маленьком стульчике. Готовится обед: томятся щи, варится картошка с мясом.

Т Ё Т Я В Е Л Я [1]: Кто это там стучит-то всё?

Н А Д Я [1]: Здравствуйте! Т ё т я В е л я?

Т Ё Т Я В Е Л Я [2]: Здравствуйте!

Н А Д Я [2]: А можно с вами поговорить?

Т Ё Т Я В Е Л Я [3]: А чего со мною поговорить? Я чего вам скажу-то? Бабка старая, чего-то.

Н А Д Я [3]: Нет, мы просто...

Дверь открыта. Веет холодом, и тетя Веля на полуслове обрывает Надю.

Т Ё Т Я В Е Л Я [4]: Ну закройте дверь-то, да проходите. Зайдите тогда. Чего вы хотели?

Н А Д Я [4]: Мы просто приехали, разговариваем.

За Надей входит В а с и л и й.

В А С И Л И Й [1]: Здравствуйте!

Т Ё Т Я В Е Л Я [5]: Здравствуйте. Возьмите табуреточку. Сам (повелительно). И сядьте туда.

В А С И Л И Й [2]: Ай, я сейчас сяду.

Т Ё Т Я В Е Л Я [6]: Ну, чего вы хотели-то?

Н А Д Я [5]: Мы просто... Да вы идите (обращается к Василию).

Т Ё Т Я В Е Л Я [7]: Пусть сидит, вы чего на мороз-то гоните (ха-ха) человека? (Общий смех.)

Н А Д Я [6]: Не, ему там надо пойти печку, чё-то там сделать.

Т Ё Т Я В Е Л Я [8]: А кто это?

В А С И Л И Й [3]: Я Василий.

Т Ё Т Я В Е Л Я [9]: А-а-а, сейчас-то узнала!

В А С И Л И Й [4]: Лины Петровны и Алексей Василича сын.

Т Ё Т Я В Е Л Я [10]: А-а-а! Дорогой! Щас-то я узнала, очки-то у меня свалились, я и не вижу. Щас-то вижу! О-ох! (Поворачивается к Наде.) А вы-то откуда?

Н А Д Я [7]: Да, ему просто надо пойти, чего-то там по хозяйству сделать.

ТЁТЯ ВЕЛЯ [11]: Ой, да я вас недолго задержу-то! Я ничего не знаю, ничего не могу сказать, не вижу, insult у меня был. Видишь, какая я, хожу-то — еле-еле душа в теле дак... Не знаю. Спросите чего, может скажу. Только мне кажется, ничего...

В а с и л и й кивает и, тихо прикрыв дверь, уходит.

НА ДЯ [8]: Так не-ет, это же не то что там... Мы приехали и просто разговариваем с пожилыми людьми о жизни.

ТЁТЯ ВЕЛЯ [12]: Ой жизнь. Жи-изнь (протяжно, с понижающей интонацией, со вздохом).

Общий свет гаснет. Проектор выхватывает стул, на котором сидит К о м м е н т а т о р.

КОММЕНТАТОР [1]: Знакомство как базовый коммуникативный элемент этнографического интервью. Узнавание друг друга. Транспарентность позиции интервьюера. (Пять минут выступления.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Включается общий свет. Тётя Веля кивком головы показывает на стул. На дя присаживается на краешек предложенного стула. Она всё ещё в куртке. Наклоняется чуть вперед по направлению к хозяйке дома. Тётя Веля привстаёт, пошарив ногами тапки, вновь располагается на небольшом стульчике.

НА ДЯ [9]: Ну просто, вот, например, как вы... Вы сами отсюда?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [13]: Да.

НА ДЯ [10]: Здесь родились прям?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [14]: Да.

НА ДЯ [11]: А родители?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [15]: И родители здесь?

НА ДЯ [12]: А родители родителей (говорит со смехом)?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [16]: И родители родителей здесь (улыбается).

НА ДЯ [13]: Все прям отсюда?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [17]: Да, мы все отсюда родом.

НА ДЯ [14]: А чего, не хотели уехать?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [18]: Никто ничего. Раньше я хотела уехать (проглатывая слова), когда закончила школу, у меня ни паспорта, ничего, из колхоза. Колхоз тогда был дак. Ничего не разрешали дать.

НА ДЯ [15]: Паспорта у вас не было.

ТЁТЯ ВЕЛЯ [19]: Да, и паспорта не было. Ничего.

В комнате жарко. На дя снимает куртку.

НА ДЯ [16]: (Тихим голосом.) А можно там повесить?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [20]: (Тоже приглушая голос.) Дверь там откройте, занавесочку-то... (Далее обычным голосом.) Ой, а я вас хотела сразу выгонять! Ха-ха-ха! Ой, извините уж меня. Я ведь еле шевелюсь, так я ничему и не рада, простите!

НА ДЯ [17]: Да ничего страшного. Ну, э, вы в колхозе работали?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [21]: Ну, сначала я в колхозе. Я ведь не, я мало училась, семь классов только кончила, и у меня одна мать. Нас пятеро. (Пауза.)

НА ДЯ [18]: У-у.

ТЁТЯ ВЕЛЯ [22]: Отец погиб на войне. Некогда было учиться-то. (Пауза.)

НА ДЯ [19]: Угу.

ТЁТЯ ВЕЛЯ [23]: Я работала в совхозе-то вот, молоденькой девушкой два года. Потом я все-таки уехала на Украину. (Пауза.)

НАДЯ [20]: Хм.

ТЁТЯ ВЕЛЯ [24]: Там у меня сестра старшая. Мне достали паспорт, всё это сделали, и я всё равно там прижиться не могла — мне мамку жалко было.

НАДЯ [21]: А она здесь осталась?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [25]: Мамка здесь осталась. Она все скота кормила, дом это, двор у нас большой, колхозного скота кормили. Мне её жалко. Я там полгода где-то пожила и всё равно выехала обратно. И вот потом всё дома и жила. 21 год отработала у нас на заводе. У нас был свой маслозавод. 21 год проработала, потом у меня... (Осекается, машет рукой.) Да что я вам всё подробности-то... Дочка утонула, (понижая голос) у меня с сердцем... (дрожащим голосом) плохо стало. (Пауза.)

НАДЯ [22]: Угу.

ТЁТЯ ВЕЛЯ [26]: (тихим голосом) Я потом... (неразборчиво, проглатывая слова) потом перешла на почту почтальоном. Последние 14 годов я работала почтальоном. Вот вся моя жизнь.

НАДЯ [23]: А сколько вам лет сейчас?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [27]: Мне сейчас 75.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Общий свет гаснет. Проектор выхватывает стул, на котором сидит К о м м е н т а т о р.

КОММЕНТАТОР [2]: Особенности уточняющих вопросов. Недирективность реплик интервьюера. Трансформация разговора в сторону нарративности повествования респондента и редукции реплик интервьюера до минимальных речевых форм — междометий, подтверждающих активное слушание речевых конструкций. (Пять минут выступления.)

К о м м е н т а т о р ещё не закончил говорить, гаснет проектор. Он продолжает в темноте, и, когда заканчивает, включается общий свет.

НАДЯ [24]: А вы, э-э-э, ваша сестра как оказалась на Украине?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [28]: Сестра оказалась как на Украине? У нас дядя был, военный, мамы брат. Он был военный и почему-то вот он оказался... Сначала в Котласе жил. С Котласа его куда-то отправили, потом на Украину вот отправили, в Черновцы. Вот он там жил. Потом Настенька, это наша сестра. (Задумалась, замолчала.) Пришел парень её из армии, женились, и тоже на Украину, к этому дяде вот. Потом этот колхоз — делать нечего, работы нет, и они вот туда уехали. И у нас все там. И потом брат мой, старший, уехал тоже на Украину, прижился. Мы две сестры младших не могли прижиться на Украине, и та выехала. Та шесть годов жила. Да, и я домой поехала, и она ни в какую не осталась. И вот вышла замуж здесь и жила и работала всю жизнь.

НАДЯ [25]: А дом этот, откуда? Как?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [29]: Этот дом мы сами лично строили, вот как женились в 59-м году, и стали дом строить. Сами его рубили. Ну, родители вот тут рядышком жили. Отец помогал, конечно. Щас родителей никого нету уж. Ни сестер, ни братьев, я одна осталась.

НАДЯ [26]: И хозяйство большое здесь держали?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [30]: Ой, хозяйство все держали. И я держала, пока мужа в лесу не ушибло. Корова была, поросенок был, все было. Потом года два подержали мы, его ушибло в лесу. Упал хлыст, ему на голову и на плечо — и отбило руку совсем, нерабочая была рука. С одной рукой остался, с молодых годов, 27 годов ему было. Я вот прожила с им, с инвалидом.

НАДЯ [27]: Угу. И он что, больше не работал?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [31]: Ну, он потом по возможности покочегарит да посторожит, да, так, немножко. С одной рукой дак чего он мог? Ничего он не мог. Голова часто болела. Вот так и прожили.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Там же. Тётя Веля вздыхает, отводит голову в сторону. Глаза слезятся, и она вытирает их кончиком головного платка.

ТЁТЯ ВЕЛЯ [32]: Я девочку родила, в 60-м году, доченьку. А в 65-м утонула, пяти годиков. Так воды боялася всё. Ходила с отцом вот. Отец-то не работал, он её всё и... (осекается, молчит). Ходили с ей. А тут вот приехали из города гости и на рыбалку позвали его, и они все пошли на рыбалку, а дочку-то оставили вот с бабулей. Ой (тяжело вздыхает), а у бабули приехали ещё две дочери из Архангельска. Гости были, как тётушки это, у моей Аленьки. Вот они и взяли её на реку. И недосмотрели. Вот сейчас этот парень жив, который её завел... Он тоже мало её постарше. (Говорит про себя, неразборчиво, осекается.) Нашей тоже мало, но она очень была смышлёная, умная. Она сама уже. Вот гости приехали, она не ходила день-два в садик-то. (Смотрит на Надю и видит диктофон.) А там, наверное, всё записывается, я догадалась! Всю-то ерунду-то говорю, о-о-о, ужас! Смешно ведь там кому будет.

НАДЯ [28]: Нет. Это важно для многих.

ТЁТЯ ВЕЛЯ [33]: Но вся это истинная правда.

НАДЯ [29]: А больше не получилось, да, родить?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [34]: Нет, родила ещё сына, вот сейчас сын ещё есть. Сын хороший, тоже, очень беспокоится вот сейчас, какая я стала, и меня все дни зовет, когда приехать, забрать... А мне-то в город и не очень хочется. У них-то бы и очень хорошо, и комната мне есть, и всё бы есть, но... всё равно не дома.

НАДЯ [30]: Да!

ТЁТЯ ВЕЛЯ [35]: Вот всего жалко, как, домик свой останется пустой.

НАДЯ [31]: Ну, конечно. Сами же строили.

ТЁТЯ ВЕЛЯ [36]: Да.

НАДЯ [32]: Жалко, всё знакомое. У вас здесь не выкипит? (Показывает на плиту, на которой стоит кастрюля с водой.)

ТЁТЯ ВЕЛЯ [37]: Да нет.

НАДЯ [33]: Угу. (Пауза.) А муж у вас давно умер?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [38]: А муж давно, уже 16 годов.

НАДЯ [34]: То есть это, получается, лет в 60 он умер? В 2001-м он умер. А сколько ему лет было?

ТЁТЯ ВЕЛЯ [39]: 64.

НАДЯ [35]: 64, да получается, что ещё молодой.

ТЁТЯ ВЕЛЯ [40]: Да, молодой. Эх (протяжно, со вздохом). Ну это у него от ушиба пошло всё это, закупорка такая, съездил, операцию сделали, на ноге там чего-то вытягивали эти, вены. Ну после того что, пожил 6 годов, а потом всё равно, скоропостижно, вот тут у меня и умер.

НАДЯ [36]: Угу.

ТЁТЯ ВЕЛЯ [41]: Быстренько. Не думала я, конечно, я нисколько не готова была к этому. Он сходил на улицу. Вечером сказал, не ходи на улицу, я все двери закрыл, всё уже. Только зашёл, (неразборчиво), а я тут как-то стояла рядом, только сказал: «Вот как, Веля, меня-то!» Указал и упал. Всё. Больше ни словечка. Ничего. (Встаёт. Подходит

к кастрюлям, приподнимает крышку, помешивает и возвращается.) Вот такая всё моя жизнь, никудышная. Не жизнь, а существование. Вам кто ко мне-то посоветовал? Вася?

Н А Д Я [37]: Да! (Смеется.) А вы сейчас, у вас есть огород сейчас?

Т Ё Т Я В Е Л Я [42]: Огород сей год вообще ничего не садила, огород есть. Но сей год у нас было, у меня вообще сырой огород, а сей год вообще, дождливое лето-то было. Ко мне трактор подъехал пахать, застрял, уехал, и всё. И с концами. Ничего не садила. Ой (вздыхает).

Н А Д Я [38]: А скотину вы перестали держать как вот... как мужу...

Т Ё Т Я В Е Л Я [43]: Да вот мужа как ушибло в 63-м, да мне потом вот, как сын-то у меня родился, мы её и забросили. Ребенок маленький, муж больной, мы и бросили скотину. Всё. (Задумавшись, глубоко вздыхает.) Теперь вот, четыре года как инсульт, прихватило. Тоже, ничего не болело, ничто, хватилась — Боже мой! — рука у меня, всё, не заработала.

Н А Д Я [39]: Онемела?

Т Ё Т Я В Е Л Я [44]: Онемела, ой (вздыхает). А потом уж и западала, нога отказала. По полу западала, западала, скорую вызвали, увезли в Вельск, а там уж больше и не помню и чего. В основном мне всё сын привозит: муку, песок, растительное масло — это он всегда привозит, чтобы не носить отсюда, из магазина всё такое, что не портящее. Остальное вот здесь, хлебушек да кое-что. Вот молодцы Света и Лена, очень помогают. Не они бы, дак я бы здесь, конечно, не осталась. Мне тут никак бы, жить бы одной. Может, как-нибудь опять, лето-то как-нибудь прокручусь, а зиму-то мне что-то трудно, да, Бог даст, добрые люди, племянница немножко помогает. Вот брата жена, Светлана, осталась тоже одна, рядышком живет. Она помогает. (Пауза.) А вы Васю-то, как познакомились, через кого?

Н А Д Я [40]: Через дочку его.

Т Ё Т Я В Е Л Я [45]: А-а-а!

Н А Д Я [41]: С дочкой его мы вместе работаем, тоже научный сотрудник, вместе работаем.

Т Ё Т Я В Е Л Я [46]: Поняла. Дочка у его тоже там же, да-да-да.

Н А Д Я [42]: Вот, и мы вот приехали, ходим, разговариваем. Они к другим просто пошли.

Т Ё Т Я В Е Л Я [47]: Ну понятно.

Н А Д Я [43]: А Василий там занимается домом!

Т Ё Т Я В Е Л Я [48]: Хозяйством.

Н А Д Я [44]: Ну и нас разводит тоже, мы-то никого не знаем, а он всех знает, и вот разводит. Вот сюда идём, он говорит: так, вот здесь вот т ё т я В е л я должна жить, да-вайте зайдём. (Общий смех.)

Т Ё Т Я В Е Л Я [49]: Да.

Н А Д Я [45]: Дома нету, пойдём в следующий, там ещё кто-то живёт.

Т Ё Т Я В Е Л Я [50]: Светка, Светка там живёт, тоже вот. У нас мужа-то — братья, вот всё со Светкой-то, братья. Тоже брат-то у ей умер, тоже у неё муж, тоже 64 года было, тоже одна осталась молодая.

Общий свет гаснет. Прожектор выхватывает стул, на котором сидит К о м м е н т а т о р.

К О М М Е Н Т А Т О Р [3]: Поддержание нарратива. Углубление интервью, переключение информанта с ответов на вопросы на рассказ о жизни. Резюме трёх коммуникативных приемов этнографического интервью: дескриптивные вопросы, уточнения, поддержание нарратива. (Пять минут выступления.)

Гаснет свет.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Там же. На дяди тётя Веля сидят за столом, перед ними разложены альбомы с фотографиями и пачка фотографий рассыпью из целлофанового пакета.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Включается прожектор на Ко м м е н т а т о р а, сидящего на стуле в левом углу сцены. В руках он держит книгу (Самойлова Е. Отсюда родом / Отв. ред. Н. В. Ипатова; Науч. ред. А. А. Истомин. Пос. Октябрьский: МБУК «Устьянский краеведческий музей», 2016). Он встаёт. Начинает говорить и идёт к середине сцены. Прожектор следует за ним.

КОММЕНТАТОР [4]: Управление контекстом. Сопоставление сведений из разных источников. (Пять минут выступления.)

Прожектор гаснет. Медленно включаются софиты. На дяди тётя Веля беседуют. Скрипят половицы на мосте (часть дома перед жилой избой). В избу входит Л е н а.

Л Е Н А [1]: (Открывая дверь.) Приветик!

Т Ё Т Я В Е Л Я [51]: Ой, приветик!

Л Е Н А [2]: Сумочка у тебя (обращаясь к тётя Веле)?

Н А Д Я [46]: Это я! Здравсьте! (Смеются.)

Т Ё Т Я В Е Л Я [52]: Это у меня такая гостыюшка, (с улыбкой в голосе, растягивая слова) я её не пускала, от дверей аж, двери не закрытые, гоноу. (Смеются.)

Н А Д Я [47]: Не бойтесь, так все делают!

Т Ё Т Я В Е Л Я [53]: Да? (Смех. Обращаясь к Лене.) Проходи, милая, проходи!

Н А Д Я [48]: Так все делают. А потом у всех хорошо разговариваем! (Смех.)

Т Ё Т Я В Е Л Я [54]: (Обращаясь к Лене.) Ну куртку-то сними!

Л Е Н А [3]: Не, я на минутку, тётя Вель.

Т Ё Т Я В Е Л Я [55]: А куда торопишься-то?

Л Е Н А [4]: О-о, я звонки телефонные — вчера и до позднего вечера, сегодня с раннего утра.

Т Ё Т Я В Е Л Я [56]: Понятно, понятно, что сегодня у тебя звонки будут, хе-хе!

Н А Д Я [49]: А чего, день рожденья что ли?

Л Е Н А [4]: У отца, у отца.

Л е н а раздевается, садится за стол со всеми.

Т Ё Т Я В Е Л Я [57]: Геннадия Павловича дочка, только что о ней говорила!

Н А Д Я [50]: А-а! Вы дочка!

Л Е Н А [5]: Да. (Смех.)

Н А Д Я [51]: А это вы книжку написали? (Берёт со стола книгу, смотрит.)

Т Ё Т Я В Е Л Я [58]: Да.

Л Е Н А [6]: Да. (Смеется.)

Н А Д Я [52]: А-а-а! Как интересно! Мы сегодня к нему тоже хотели зайти, мы к нему уже ходили, ещё хотели зайти.

Т Ё Т Я В Е Л Я [59]: Если что-то хотели спросить, у её спросите, всё знает. Плохо ходить! Дорогу всё перемело, так что спросите чего, она всё скажет.

Л Е Н А [7]: Да, ходить невозможно, просто кошмар, вся испроваливалась!

Н А Д Я [53]: Я хотела спросить, мы с ним поговорили, потом оказалось, что его Венедикт зовут.

Л Е Н А [8]: Да.

Н А Д Я [54]: А как так получилось? (С улыбкой.)

Л Е Н А [9]: По паспорту — Венедикт, а обиходное имя — Геннадий.

Н А Д Я [55]: А как так получилось?

Л Е Н А [10]: А вот его дедушка, Борисонька, его звал Енюшка, Венедикт — Енюшка, а потом стали Генюшка, и стал Гена (смеются).

Н А Д Я [56]: Так бы не сказали, я бы так и не знала, что его...

Т Ё Т Я В Е Л Я [60]: Это, документы все. В совхозе работала, везде «Геннадий, Геннадий Палыч» слышала.

Л Е Н А [11]: Но, тётя Веля, однажды на доску почёта фотографию повесили и внизу «Венедикт» написали. Я маленькая была, но читать-то уже умела, я прибежала домой, во всю голову реву! (Общий смех.) Папа, там твоя фотография, а чужой дяденька написан! (Общий смех.) Так что... Я начинала когда в школе работать, мне тоже один старик говорит: придумала какого-то Венедикта, а у самой батька Геннадий! (Смех.) Это я придумала, оказывается! Я говорю, он всем объясняет, что у него праздничное имя — Венедикт, будничное — Геннадий. Вот, и я Венедиктовна теперь!

Т Ё Т Я В Е Л Я [61]: Тоже это знаю.

Л Е Н А [12]: Кто назовет Венедикторовна, кто Викторовна, кто как! (Смех.)

Т Ё Т Я В Е Л Я [62]: А кто и спросит, тебе разве Геннадий-то не родной отец-то? (Смех.) И то спросят! (Смех.)

Л Е Н А [13]: Геннадий, а я Венедиктовна.

Т Ё Т Я В Е Л Я [63]: Что ж, у нас в деревне-то как бывает!

Н А Д Я [57]: Может, ему надо было поменять паспорт-то на «Геннадий»?

Л Е Н А [14]: Да, и мучиться не надо, потому что у него — где Веонидикт, где Венедикт, где Венидикт! А шас мы так же. Все дети по-разному записаны!

Т Ё Т Я В Е Л Я [64]: Кто Венеодикт, кто и...

Л Е Н А [15]: У всех разные отчества.

Н А Д Я [58]: Да.

Т Ё Т Я В Е Л Я [65]: Ой, что у меня на плите-то делается?

Т ё т я В е л я поднимается, идёт к плите. Берёт половник. Приподнимает крышку и помешивает суп. Софиты медленно гаснут.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Софиты медленно включаются. Н а д я и Т ё т я В е л я сидят за столом. Л е н а стоит рядом, намеревается уйти.

Н А Д Я [59]: А вы шас, а вы будете как-то день рождения справлять его?

Т Ё Т Я В Е Л Я [66]: Вот сейчас будем, (обращается к Лене) сиди дак!

Л Е Н А [16]: Мы обычно, как говорим, на троих соображаем. Собираемся у меня, тётя Веля придёт, тут я поближе к ней.

Л е н а садится.

Т Ё Т Я В Е Л Я [67]: Нет, не будем, Лена у меня сегодня будет.

Л Е Н А [17]: Нет, тётя Веля, ему сегодня не выбратся, ему сегодня не выбратся.

Т Ё Т Я В Е Л Я [68]: Так-то у неё всё справляем на троих.

Л Е Н А [18]: Так-то у меня собираемся, что он ко мне придёт, тётя Веля ко мне пришла, посидим отметим, все праздники так отмечаем, на троих соображаем. А сегодня папа плохо себя чувствует. Я ему даже ничего говорить не стала. Я говорю папа, я тебе праздничный обед приготовила, потом прибегу.

Н А Д Я [60]: Угу!

Л Е Н А [19]: Оладушек ему напекла, да рыбки сделала с картошечкой, он сегодня есть даже не стал, вернее не выходил, за стол не садился. Голова болит, таблетки пьёт. Он на сердце начал жаловаться. Я иду с работы... (осекается). Он вообще, утром не дал скорую вызвать, когда, ну вот, перед работой приходила. После работы зашла, он на веранде встречает, чуть ли уже не ползком на коленках — что всё! Ему так плохо, я сбегала скорую вызвала. Девочки тут же приехали, начали ему уколы делать. Вроде как полегче стало. Я хотела на ночь остаться. Он: «Мне без тебя спокойнее, не надо». А наутро прихожу — у него гора вот этих вот распечатанных таблеток (разводит руками), каких только не ел за ночь, это ужас! (Говорит очень эмоционально.) И я, значит, опять скорую вызвала. Два раза приезжали, ему уколы делали. На третий раз он говорит: «Больше не пущу, пусть не ездят». Полегче стало — и всё! Отказался! (Звучит громкий телефонный звонок.) Так и лежат уколы все и лекарства на столе. (Звонок.) Я к ним зашла перед работой, я говорю: «Девочки, не ездите, всё, он такой, что если он сказал (звонок), что не даст больше уколов делать, значит не даст. (Звонок.) Немножко поотлегло, как говорят, и всё».

Т ё т я В е л я встает, подходит к телефону, снимает трубку.

Т Ё Т Я В Е Л Я [69]: Да, алё! (Слушает ответ.) Здравствуй, дорогой!

Тётя Веля говорит по телефону, Лена и Надя продолжают разговор между собой. Разговоры идут параллельно.

Л Е Н А [20]: Запретил. Ну, щас-то получше, но... (Замолкает, поворачивает голову к тёте Веле.)

Т Ё Т Я В Е Л Я [70]: (В телефонную трубку.) Да, тяжело конечно, очень тяжело!

Н А Д Я [61]: (Продолжает разговаривать с Леной) Ну, он у вас такой, да.

Л Е Н А [21]: Мамы-то вот не стало, и он вот: «У меня никакого интереса жить, была бы Жаннушка, мы бы жили да радовались». В общем... (запинается) Жанной маму звали.

Т Ё Т Я В Е Л Я [71]: (Громко, нервно, разговаривает по телефону.) Да нету ещё мозолю-то, у нас сегодня ночь! Снегу много, очень много у нас сегодня. (Слушает.)

Л Е Н А [22]: Он говорит, скорей бы мне туда, за реку.

Н А Д Я [62]: Тяжело, конечно, терять любимых своих.

Т Ё Т Я В Е Л Я [72]: (В телефон.) Как у тебя-то дела?

Л Е Н А [23]: Угу, так что, так что не знаю, что будет. Не знаю, стоит ли к нему сегодня идти. Щас вот звонят тут все родственники, что вот, пойдёте туда отмечать все к нему. Я говорю: «Пойдём-пойдём». А на самом-то деле я одна пойду, никого и не приглашаю. На прошлый-то год приезжали все, на 80-летие много было, а в этом-то году уже никого. Я говорю, во-первых, его ничто не радует. Я стала его поздравлять, тут подарок от всех, а он: как вам не стыдно поздравлять, если у человека уже смерть приближается, со смертью меня поздравляете? Ужас! (Начинает смеяться. Смех подхватывает Надя.) Я говорю: «Папа, поздравляем, что ты до таких лет прожил». И он такое говорит в светлом уме и твердой памяти: что это уже не жизнь, это издевательство! В общем, у него такое настроение. Кошмар. Потом вот эти очередные родственники звонят, про козочек его говорят. Всё держит козочек.

Н А Д Я [63]: Да?

Л Е Н А [24]: Козочки уже не доят, можно сказать. В сутки мы их доим — на двух козочек 400 граммов. И он бедный: «Я их не уберу ни за что. Они же Жаннушку помнят!» Ужас! (Переходит на шепот.) И он говорит... Вот он болел, я говорю: «Ну давай уберём хотя бы одну». Он говорит: «Если уберёте, то мне вставать незачем. Я утром могу, не могу — встаю. Надо». Что, если их не будет, то мне и вставать незачем.

Н А Д Я [64]: Ну, это правильно, нет, он правильно рассуждает, это так и есть, да.

Л Е Н А [25]: Поэтому мы уж и не предлагаем. Пусть живёт и радуется!

Н А Д Я [65]: Ха-ха!

Л Е Н А [26]: Ой, кошмар! Он пол красить не даёт, страшный уже: (подражает голосу отца) «Потому что по нему Жаннушка ходила!» Ничего нигде менять не даёт, всё это Жаннушку помнит. Ничего не убирай, ничего не делай. Кошмар какой-то!

Н А Д Я [66]: Угу. Ну, тяжело пережить-то, когда прожили всю жизнь и... (прерывается). Причём прожили, я так понимаю, не то что там, знаете, ссорились, вот, а душа в душу.

Л Е Н А [27]: Это конечно.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Там же. Все сидят за столом. Н а д я берёт в руки книгу.

Н А Д Я [67]: Ну а вы-то, какой труд сделали! Книжку-то! Это же вообще!

Л Е Н А [28]: Этот труд-то, можно сказать, так... (усмехается). Всю жизнь готовилась к урокам, потому что историю вела, материал собирала. Сбирала, потом думаю: «А случись чего — всё пропадёт!» И я решила, что это всё надо издать. Книжка-то она быстро (осекается). Я всё тёте Веле рассказываю: такое чувство, что мне как будто кто-то помогает.

Н А Д Я [68]: У-у (удивленно).

Л Е Н А [29]: Потому что, бывает, вот некогда-некогда, ну сяду, немножко поработаю. Начинаешь работать — и времени не замечаешь, сидишь набираешь, набираешь текст, печатаешь. Потом спать ляжешь — ещё что-то придумалось! Подскакиваю. Или просто хотя бы запишу, чтобы завтра дописать. Ну, в общем, как-то работалось-то легко над книжкой. Единственное, меня потом такой ужас взял, когда уже всё, книжка почти готова, я думаю: «Вдруг это никому не надо, вдруг это никому не интересно, чё это я делаю?» Ну потом ещё и с денежками проблема. Сначала сказали: 150 тысяч. 150 тысяч мы как-нибудь насобирали. Когда эти 150 отправили, сказали, ещё надо 100 как минимум.

Н А Д Я [69]: Угу.

Л Е Н А [30]: Даже 110, я потом собирала. И вот, благодаря опять-таки всем своим пенсионерам, всем бабушкам, тётушкам.

Н А Д Я [70]: А это вы на свои деньги выпустили?

Л Е Н А [31]: Да, полностью на свои.

Н А Д Я [71]: Разве не музей заплатил краеведческий? Он как издательство указан.

Л Е Н А [32]: Нет-нет. В общем, как мы сделали. Я собрала эти денежки. В музей как они написали, бумажку дали, что это как бы я спонсором выступила. На самом деле, свою книгу, на свои. Они-то говорят: «Ты где взяла?» Я говорю: «Так свои!» Я уж не стала им объяснять, что всех тётушек обанкротила, и сестёр, и братьев. (Смех).

Н А Д Я [72]: Да, слушайте, вот это сильно!

Л Е Н А [33]: Я, правда, старалась возвращать, почти все уже вернула, потихоньку. Как только книжки реализуем, возвращаю. И вот мы тыщу издали экземпляров: 300 музею и 700 мне. И теперь, наверное, у них нераспроданные, и у меня ещё не весь тираж распродан.

Н А Д Я [73]: А вы давно, какого года книжка? (Открывает страницу. Ищет год.)

Л Е Н А [34]: А вот позапрошлым, теперь уже, летом. Как раз у нас день деревни ожидался, и мне привезли вот тёти Велины внучка с мужем, сын, на двух машинах ехали. Мой сын их встречал, привезли этот тираж. Буквально в 2 часа ночи. А назавтра — праздник. Вот в праздник у меня их хорошо попокупали. А в этом году я на праздник даже не ходила, тем более и книжек не носила, потому что сырой день был, туда не попасть ни на машине, ни на чём.

Н А Д Я [74]: А долго писали?

Л Е Н А [35]: Дак вот, я материал собирала, в общей сложности, 20 лет. Ну а писала, плотно вот работала — последние два года. Получается вот с 14-го по 16-й, в 16-м издали.

Н А Д Я [75]: Угу.

Л Е Н А [36]: Ну, говорю, вот как-то всё это хорошо. В музей увезла флешку. У них материалы-то брала, ездила. Но у них там как, значит, у них всё оцифровано, вот эти вот все переписные книги. И она, значит, мне распечатки все эти даёт. У них там в папочках всё, аккуратно, я сижу, переписываю. Я напереписывала от руки. Долго конечно это всё — ездила много раз. Потом приеду домой, всё это оцифрую, распечатаю уже только по нашим деревням — Синики, Кидюга, Закидюга. И еду к ним, уже показываю, сколько листочков получилось, и за эти листочки оплачиваю. Потому что, если бы вот так, просто сканировать это всё, много бы дороже получилось.

Н А Д Я [76]: Ну да.

Л Е Н А [37]: Потом приезжаю, уже всё. Разбираю этот почерк: никакой, непонятный, нечитаемый, вообще, и потом снова оцифровываю всё уже сама. Но главное, то, что я боялась, что я ведь, ни типографии, всё далеко. Что я буду делать? Привезла флешку в музей, оставила им, говорю: «Посмотрите, есть ли смысл мою эту книжку издавать?» Ну, вот директор через какое-то время мне позвонила: «Берёмся редактировать». Как редактировать? Книжка уже полностью готова, просто ещё раз сверяли документы. Они ещё раз всё просмотрели, добавили несколько фотографий, каких у меня не было, ещё несколько фрагментов добавили, там, что сами нашли по селу. Вот за это-то им огромное спасибо. И уже с типографией-то они дело имели. Я только время от времени позванивала.

Н А Д Я [77]: Ну, это такое великое дело! Гордитесь книжкой-то?

Л Е Н А [38]: Да я не то что горжусь, я просто, как, тётя Веля, сказать? Не страшно умирать стало! (Смех.) Что сделано, то, что...

Т Ё Т Я В Е Л Я [73]: Она ничего не гордится, она очень талантливый человек! Она ничем не гордится. Она сама себя не ценит.

Л Е Н А [39]: Талантливый, дак не тут бы сидел! (С усмешкой.) Тётя Веля, талантливые что-то большое делают (разводит руками).

Т Ё Т Я В Е Л Я [74]: Талантливые где угодно могут быть.

Звук телефонного звонка.

Т Ё Т Я В Е Л Я [75]: Ну, снова!

Т ё т я В е л я уходит к телефону. Прижимает трубку рукой и тихо разговаривает.

Н А Д Я [78]: Это же, не каждый человек, вот так, ну как бы почувствует надобность и будет это делать за собственные деньги.

Л Е Н А [40]: Мне вот, знаете чего, можно сказать, сподвигло на эту книгу? Был летний день. И вот у этого дома, развалины-то щас, тогда он еще более-менее крепкий, но уже не жилой был, а оттуда наши корни. Их отец (показывает на тётю Велю) — из этого дома. Вот я чего-то придумала родословную нашего рода, дедушки, на стену этого дома сделать. Значит, такая уже хорошая там была погода, дождя уже, наверное, месяц не было, — и такой зной. И я ещё так вот подумала, пришла и говорю мужу: «Серёжа, если меня услышит бабушка, значит, будет дождик». Ну вот мы с бабушкой как-то особенно тесно были связаны. Понимаете, праздник только закончился, я листочки снимаю, и загремело, загремело, и такой ливень! (Смех.) Вечером мне муж-то говорит: «Ну что, услышала бабушка?» Я говорю: «Услышала! И надо мне книжку писать про бабушку». Тогда я и начала всё это делать.

Н А Д Я [79]: Угу.

Л Е Н А [41]: Так что, действительно, какая-то связь существует. И вот самое-то интересное, бабушка родилась 8 января шестого года, умерла 8 января восемьдесят шестого, то есть ровно 80, изо дня в день. И главное, перед этим всё нормально себя чувствовала. Дети-то и с Украины, и с Кавказа, отовсюду должны были приехать. И она и говорит: «Молите мне смерти, чтобы ребятам два раза не ехать». Мы говорим: «Бабушка, ты чего такое говоришь?» Сама можно сказать выпросила. Дети приехали, со всеми поговорила, отметили — и всё. А потом, через пять лет, у меня дочь родилась. В тот же день, 8 января! Поэтому, видите, связь какая! Вот, так что Нинушкой-то и назвали в честь бабушки, что в это же число.

Н А Д Я [80]: Угу.

Л Е Н А [42]: Так что вот бабушке эта книжка и посвящена. (Пауза.) Она у нас, вообще, хороший человек была.

Софиты медленно гаснут.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Прожектор выхватывает стул К о м м е н т а т о р а в левом углу.

КОММЕНТАТОР [5]: Теоретическая рамка. Разбор рассказа Лены об издании книжки. (Пять минут выступления.)

Прожектор гаснет. И медленно зажигаются софиты, освещая женщин за столом.

Н А Д Я [81]: А где вы работаете? В школе?

Л Е Н А [43]: Да, да.

Н А Д Я [82]: Учителем? Директором?

Л Е Н А [44]: Учителем. Я директором была 15 лет, самые «хорошие» годы! (Смеются.) С девяносто первого по две тыщи пятый.

Н А Д Я [83]: И чего потом?

Л Е Н А [45]: Потом ушла. Всё.

Н А Д Я [84]: А чего?

Л Е Н А [46]: 15 лет отработала, хватит. Ни здоровья, ни сил, ничего уже не было. А в то время на свою зарплату ещё и школу содержали. С ума сойти. Мы с мужем в школе оба работали, так на одну зарплату семья, на вторую зарплату школа содержится. Это кошмар! Это вообще ни на что, (далее речитативом) ни на что! Ни на порошок стиральный, ни на полотенушки, ни на лампочки. Да ни на что денег не было. А заведующей РОНО пожаловалась, ну сколько можно на своё-то всё покупать? Она: «Так не покупай!» А как жить-то?

Н А Д Я [85]: Угу.

Л Е Н А [47]: Не покупай, и все дела.

Н А Д Я [86]: Угу.

Л Е Н А [47]: А потом вот мужа не стало, я и рассчиталась уже. Так-то всё-таки вдвоём мы тянули, а одной-то уже.

Долгая пауза, секунд пятнадцать. Все молчат, думают о своём.

Т Ё Т Я В Е Л Я [76]: Я Васю-то не узнала.

Л Е Н А [48]: Почему? Мне кажется, он всё такой же. Я, наоборот, думала: и не стареет нисколько! (Смех.)

Т Ё Т Я В Е Л Я [77]: А я сидела на стульчике, и вот так вот смотрела вот в это место без очков (показывает на дверной косяк). На него-то сначала посмотрела. Ну, думаю, чужая девушка, и он чужой. А потом-то заговорил-то, да я очки-то подняла, дак узнала!

Л Е Н А [49]: Ну, ты его последний-то раз, наверное, у Валерки на похоронах-то видела?

Т Ё Т Я В Е Л Я [78]: Да, да, его тогда только видела. (Пауза.. А я Васю дак останавливаю, говорю: «Дак посидим, ведь недолго, это проходи, вон стул бери да». На минутку, я говорю, ведь только я ничего не скажу, а смотри-ка сию уже два часа, наверное! (Общий смех.)

Н А Д Я [87]: Все что-то рассказывают.

Т Ё Т Я В Е Л Я [79]: Мне смешно, Вася стоит всё в дверях, дверь открыта, я их не пускаю. (Сильный, давящийся смех Лены.) Девушка-то смелее! Она зашла и села сразу на табуретку! (Общий смех.)

Л Е Н А [50]: А Вася всё в дверях!

Т Ё Т Я В Е Л Я [80]: А Вася всё... (смеется). Я говорю: ну тогда заходите, закройте двери. Пустила! Я-то подумала, что сначала-то и цыгане! (Смех.)

Гаснет свет. Проектор выхватывает К о м м е н т а т о р а в левом углу сцены.

К О М М Е Н Т А Т О Р [6]: Незаконченность диалога как условие успешности этнографического интервью. Представление общей методологической рамки интервью. Резюме. (Пять минут выступления).

Проектор гаснет. И медленно зажигаются софиты, освещая женщин за столом.

Н А Д Я [88]: Да, мне надо возвращаться, по-моему, уже темнеть начинает? Уже у меня такое ощущение, хе-хе!

Т Ё Т Я В Е Л Я [81]: Дак у нас сейчас да, в третьем часу у нас уже и темно.

Л Е Н А [51]: В восемь ещё темно, а в третьем уже темно.

Т Ё Т Я В Е Л Я [82]: Сегодня вообще не рассветало.

Н А Д Я [89]: Да, да!

Т Ё Т Я В Е Л Я [83]: Снег валит, так бело кругом.

Н А Д Я [90]: Да, метель, метель какая-то у вас тут. А мы пришли — вы так и не поели, да, наверное?

Т Ё Т Я В Е Л Я [84]: И не поела, и ничего не доварила я! Ха-ха! (Общий смех.)

Л Е Н А [52]: Из-за вас, да? (Обращается к Наде.)

Т Ё Т Я В Е Л Я [85]: Из-за... Ха-ха! Нет! Вы-то сидите (к Наде). Лена, ну сиди ты, будем есть. Сейчас щи сварила. И вы сидите, дак будем есть. Как сварилось, так и, не заправлено только, а всё сварилось хорошо.

Н А Д Я [91]: Просто надо, мне надо идти.

Т Ё Т Я В Е Л Я [86]: Ну Лена, ты не уходи!

Л Е Н А [53]: Тётя Веля, я укол сделаю, потом второй раз приду. Я печку протоплю.

Т Ё Т Я В Е Л Я [87]: Ну ладно тогда.

Медленно гаснет свет. И последние слова произносятся уже в темноте.

Н А Д Я [92]: До свидания, спасибо!

Л Е Н А [54]: И тебе спасибо!

Т Ё Т Я В Е Л Я [88]: Извините, что не пускала.

Н А Д Я [93]: Да ничего страшного, мы же зашли.

Звук закрывающейся двери. Скрип снега под ногами уходящих женщин.

Зажигается общий свет. Артисты выходят на сцену.

Время для вопросов и комментариев.

Как интерпретировать научную пьесу

Научная пьеса, представленная выше, обладает двумя независимыми планами представления. Первый — коммуникативный. В нём разворачиваются диалоги, динамично сменяющиеся действия и явления. Задача коммуникативного плана — создать остенсивное определение, т.е. продемонстрировать этнографическое интервью как оно есть, максимально приближаясь к реалиям разговоров с информантами. Коммуникативный план выполнен в привычном литературном жанре, требует отлаженной игры актеров, направленной на погружение зрителя в мир разговоров.

Второй план — аналитический. Он представлен шестью комментариями исследователя, проясняющими структуру пьесы и придающими смысл череде действий и явлений. Если первый план ведется по жестко заданному сценарию, второй — принципиально свободен и вариативен, определяется профессионализмом и личными представлениями комментатора. Включение научных комментариев в тело пьесы, с одной стороны, ломает драматургию последовательных сцен, с другой — вносит динамику иного рода, направленную на выработку рефлексивной позиции по отношению к увиденному.

Ниже представлен один из вариантов комментариев, которые могут быть развернуты в пьесе. Первое действие посвящено разбору коммуникативных навыков, второе — аналитических (рис. 2).

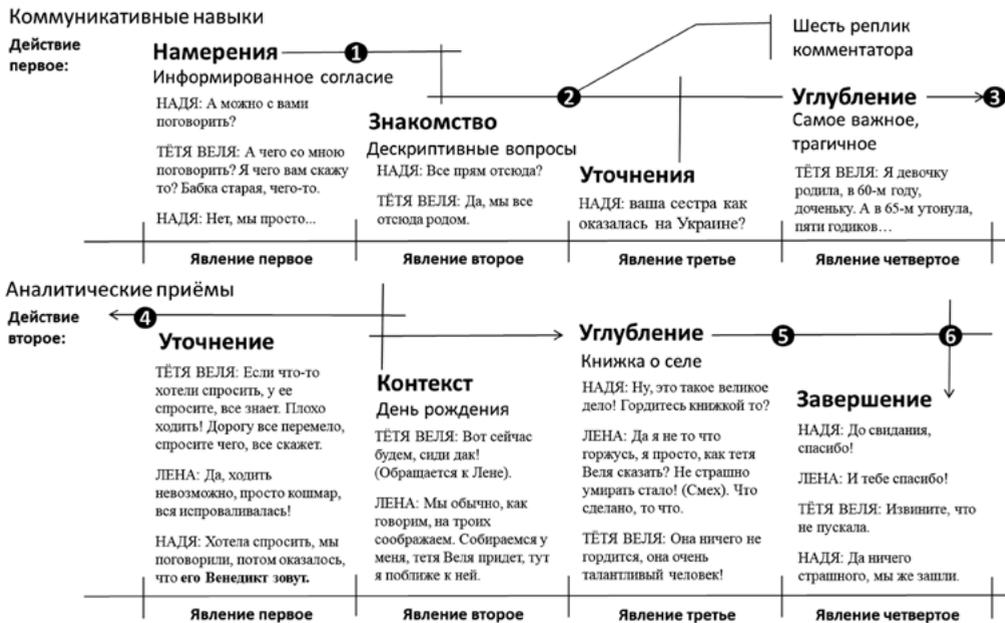

Рис. 2. Структура научной пьесы

Зритель может не догадываться в начале пьесы (незаинтересованный зритель не догадается и в конце) об особой структуре этого произведения. Актуализация методологической составляющей актерской игры есть условие адекватного просмотра пьесы, критерий успешности всего задуманного предприятия.

Итак, шесть реплик комментатора: знакомство, уточняющие вопросы, поддержание нарратива, управление контекстом, теоретическая рамка и незаконченность диалога.

1. Знакомство

Этнографическое интервью — это разговор о жизни, простой и безыскусный. Интервьюер полностью подстраивается под респондента, сливается с его средой. Оставаясь гостем, он не рассказывает о себе, а расспрашивает хозяев, интересуется деталями сказанного, развивает темы, которые волнуют его собеседников. Задача этнографического интервью — обозначить культурные детерминанты повседневного мира респондента. Последние проявляются в речи, историях, акцентах на тех или иных событиях, возвращениях и повторях. В таком интервью предметом исследования выступает не только получаемая информация, но и манера её подачи, эмоциональный фон, переживание, динамика разговора. Интервьюер не расспрашивает и не собирает сведения. Он ведёт беседу и наблюдает за собой и своим собеседником, обстановкой, в которой текущая беседа стала возможной.

Оставаясь в позиции внешнего, приходящего человека (этический подход), исследователь реализует стратегию включенного наблюдателя, погруженного в текущие, обыденные ситуации взаимодействия (эмический подход), развивая базовую метафору (артикулированную ещё со времен Малиновского) этнографической работы: представление культурных паттернов через оптику инсайдера (Sexton, 1980: 937).

Интервью, как и любой разговор с незнакомцем, начинается с представления. Обозначаются намерения интервьюера как человека расположенного к разговору особого типа, в котором устанавливаются роли спрашивающего и отвечающего (НАДЯ[2] — НАДЯ[4]).

На наш взгляд, в этнографическом интервью не может быть формальных процедур получения информированного согласия: письменных уведомлений, казенных фраз, перечисления собственных регалий и задач. Подобные чужеродные элементы разговора сразу трансформируют интервью в другой тип, и для реанимации этнографичности, включенности в жизненный мир собеседника потребуются огромные усилия, не факт, что успешные. Поэтому короткие реплики и бытовые формулировки «пришли поговорить о жизни» (НАДЯ[8]) выступают основным элементом для начала разговора, расположенность к которому явным образом обозначается в речи информанта (ТЁТЯ ВЕЛЯ[11]).

Этнографическое интервью часто ведется с уже знакомыми людьми. Если встреча происходит впервые, весьма полезно проводить её с третьим лицом, знакомым с респондентом и интервьюером, выступающим проводником, для снятия коммуникативных барьеров, погашения первоначального недоверия и конструирования информированного согласия или взаимной договоренности о последующем разговоре, протекающем по правилам вопрос-ответной коммуникации. Для Нади таким человеком выступает Василий — отец её коллеги и односельчанин тёти Вели (ТЁТЯ ВЕЛЯ[8] — ТЁТЯ ВЕЛЯ[10]).

После того, как интервьюер представлен и позиции обозначены, проводник, ключевой информант может уйти. Теперь задача интервьюера справиться с неловкостью первых минут самостоятельно, заполнить их короткими вопросами, предельно фактологическими и не предполагающими какого-то проникновенного, доверительного повествования.

С формальной точки зрения, представление и объяснение намерений можно назвать информированным согласием. Но последнее — не контракт, скрепленный подписями, к которому можно обратиться в любой момент. В разговоре человек забывает об услышанном, уточняет и возвращается к уже сказанному. Представление о собеседниках — важнейший элемент коммуникации, к нему возвращаются, уточняют, обогащают подробностями на протяжении всей встречи, да и последующих встреч (ТЁТЯ ВЕЛЯ[44] — ТЁТЯ ВЕЛЯ[47]).

Первые минуты разговора — самые насыщенные по той информации, которую следует усвоить обоим собеседникам. Потому весьма рискованно, не нарушив открытость и непосредственность коммуникации, предлагать ознакомиться, а то и подписать

многочисленные пункты информированного согласия. Апологеты юридического подхода к исследовательской практике, превалирующего в западных университетах, апеллируют к этическим нормам, забывая, что тем самым нарушают базовую норму — поддержание корректного и полного восприятия происходящего. Разговор в формате юридической нормы ознакомления и согласия может лишь сбить с толку, спровоцировать недоверие или придать ненужный формальный статус происходящему, закрыть от исследователя непосредственный мир обыденной коммуникации. Информированное согласие следует получать на протяжении всего разговора. Не скрывая своих намерений и роли интервьюера, нужно быть готовым для обсуждения допустимых границ в поддержании разговора и фиксации сказанного. Отвлекаясь от тяжелого воспоминания, тётя Веля замечает включенный диктофон (ТЁТЯ ВЕЛЯ[32]). Надя делает акцент на важности происходящего, на акцентируя внимания на разрешении (НАДЯ[28]), и получает согласие, выраженное косвенным образом в апелляции к искренности и правдивости рассказа (ТЁТЯ ВЕЛЯ[33]). Формалист вновь может сказать, что никакого информированного согласия не получено. Для полевого интервьюера важнее другое — полная открытость намерений, поддержание эмпатического диалога и открытое обсуждение особенностей вопрос-ответной коммуникации. Бытовая речь отличается от официальной тем, что согласие не требует рациональных подкреплений, а фиксируется эмоциональным фоном и речевым принятием информантом предлагаемых полевым интервьюером имплицитных правил общения.

Второе явление пьесы насыщено дескриптивными вопросами (НАДЯ[9, 10, 11, 14, 17], [10]), которые не только позволяют получить некоторую предварительную информацию для продолжения беседы, но и обозначают намерения интервьюера, демонстрируют правила прохождения беседы особого типа, в которой явно выделяются тот, кто задает вопросы, и тот, кто на них отвечает. Знакомство в этнографическом интервью — критический элемент, не столько по качеству и точности вопросов, сколько по необходимости удержаться на них некоторое время, заинтересовать, рассмешить, расположить к себе собеседника.

Тётя Веля на протяжении всего, почти двухчасового, разговора возвращается к первоначальному минутам неловкости, своему желанию прервать разговор, не пустить, выставить вон непрошенных гостей. Пользуясь паузой между вопросами, когда Надя снимает куртку и ищет, где её повесить, тётя Веля впервые проговаривает свое первоначальное негативное отношение к гостям. Впервые извиняется за него (ТЁТЯ ВЕЛЯ[20]). Затем, в течение всего разговора, это станет ключевой темой, определяющей некоторую короткую историю первоначального недоверия (ТЁТЯ ВЕЛЯ [52, 76, 77, 80, 88]), которая под конец приобретет форму анекдота, повода для общего смеха и приятных воспоминаний (ТЁТЯ ВЕЛЯ[78] — ТЁТЯ ВЕЛЯ[80]). Фактически, весь разговор есть знакомство информанта с интервьюером, поиск взаимных позиций, привыкание к нетипичному для сельской местности формату однонаправленного разговора, в котором роли задающего и отвечающего на вопросы определены заранее. Знакомство есть «информированное согласие», но с точки зрения формализованной этики, прописанной на языке сформировавшейся за последние десятилетия когорты академических бюрократов, это не так. Навязывая исследователям чуждые полевой работе практики формализованного общения, они разрушают канву обыденной речи, обедняя потенциальные результаты, разрушая этнографический компонент полевого исследования.

2. Уточняющие вопросы

Любой человек может уложить свою жизнь в минуту, а то и меньше, рассказа. Тётя Веля — не исключение (ТЁТЯ ВЕЛЯ[11]). Это не означает, что она бедна событиями, эмоциями, личными переживаниями. Интервьюер, в этом случае, не должен ни терять

инициативу, ни переключаться на другую тему, принимая и соглашаясь со столь коротким представлением жизни. Лучшая тактика — перейти к уточняющим вопросам, отталкиваясь от уже услышанного, прояснять детали, недосказанности (НАДЯ[24] — НАДЯ[27]).

Незнакомый человек, ведущий себя таким образом, воспринимается как вежливый, внимательный собеседник. Интервьюеру важно подчеркнуть свою заинтересованность в личной жизни информанта и, одновременно, не показаться слишком навязчивым, доби- вающимся каких-то особых сведений. Уточняющие вопросы сближают этнографическое интервью с допросом как особой формой коммуникации. Задача интервьюера — не допустить возникновения подобных ассоциаций у респондента. Поэтому уточняющие вопросы никогда не должны задаваться в директивной форме. Они скорее выступают поддерживающими, предвосхищающими беседу репликами. Интервьюер как бы делает предположения о прошлом, поддерживая разговор, подталкивая собеседника к развернутому рассказу. И те вопросы, на которые не получен сразу ответ, можно пропустить, на время отложить в сторону, чтобы вернуться (в случае их значимости) к ним в дальнейшем.

Прислушаемся к диалогу (НАДЯ[25] — ТЁТЯ ВЕЛЯ[31]). Каждый ответ тёти Вели может быть развернут различными способами. Надя выбирает один из вариантов. Ответ о доме (ТЁТЯ ВЕЛЯ[29]) содержит упоминание о женитьбе, отце, сестрах и братьях. Надя продолжает разговор о доме, расширяя контекст до хозяйства (НАДЯ[26]), что неудивительно. Дом в сельской местности — это прежде всего двор: скотина, птица, огород. Отвечая о хозяйстве, тётя Веля вспоминает мужа, несчастный случай, произошедший с ним при рубке леса и радикальным образом изменивший их хозяйственный уклад (ТЁТЯ ВЕЛЯ[30]). Поддерживая значимую для информанта тему, Надя переключается на супруга тёти Вели (НАДЯ[27]).

Разговор продолжается в контексте только что сказанного. Техника нефокусированных расспросов через несколько минут позволяет подойти к самому важному, определяющему жизнь респондента событию. Углубление интервью, возникновение смысло- образующих и, зачастую, глубоко травмирующих событий (или события), подчеркивает правильность построения этнографического диалога. Задача интервьюера — от рас- спросов респондента перейти к слушанию его самостоятельного рассказа исповедаль- ного типа. Коммуникативно это выражается в радикальном сокращении длины реплик интервьюера, редукции их до междометий, кивков головы, и одновременном увеличе- нии времени на ответы, которые из коротких реплик становятся продолжительными на- рративами.

3. Поддержание нарратива

Самое важное и предельно трагичное в жизни тёти Вели — это гибель маленькой пятилетней дочки, о чем она упоминает в самом начале разговора, во втором явлении первого действия: «Да что я вам все подробности-то... Дочка утонула, (понижая голос) у меня с сердцем (дрожащим голосом) плохо стало. (Пауза.)» (ТЁТЯ ВЕЛЯ[25]). Боль от утраты только усиливалась с годами, предопределяя трагичный фон всех последую- щих событий (ТЁТЯ ВЕЛЯ[32]). В коротком, спонтанно возникшем монологе о гибели до- чери, тётя Веля называет всех участников этой трагедии: муж, который обычно смотрел за дочкой, а тут ушёл на рыбалку с гостями, бабушка, две тётушки и соседский маль- чик. Дочка могла быть отведена в садик, но, по случаю приезда гостей, была оставлена дома. По напряженности речи, всплывающим деталям, очевидно, что этот день много раз прокручивался в голове тёти Вели, она живёт этим событием, переопределившим всю жизнь их семьи.

Описав всех участников события, тётя Веля ничего не говорит о себе. Мы не знаем, где была она? Что переживала? Как узнала о случившемся? Каким образом справилась

с горем? Как продолжились отношения с родственниками? Как узнала, что именно мальчик-сосед завел девочку в воду? Что говорили об этом в деревне? Как восприняли трагедию соседи? Короткий монолог о смерти дочери — это вход в глубинное состояние непроницаемого, но постоянно возвращаемого к жизни, вечно актуального воспоминания тётки Велы. Здесь возможно углубление интервью, разворачивание трагического нарратива, но Надя выбирает другую стратегию. Неготовность говорить об этом? Нежелание или опасение травмировать человека воспоминаниями? Иной план исследования? Возможна любая из обозначенных причин. Надя остается в позиции простого собеседника, поддерживающего разговор и избегающего сложных, вызывающих слезы мест (НАДЯ[29, 31, 32, 33]).

После рассказа о трагедии с девочкой, смерть мужа уже описывается несколько буднично, речь уравнивается, как бы демонстрируя закономерность произошедшего (НАДЯ[33] — ТЁТЯ ВЕЛЯ[41]).

Вновь возникает контекст информированного согласия. Тётя Веля интересуется, откуда интервьюер знает Василия, который её представил. Это небольшое переключение ролей (с интервьюера на респондента) необходимо для поддержания доверительности беседы. Но важно не увлечься рассказом, давать точные и короткие ответы, позволяющие вернуться к жизни респондента.

Рассказ об утратах, смертях близких людей всегда травматичен. К нему нужно быть не только готовым, но и уметь поддержать срывающуюся речь, дать возможность выговориться, задеть самые болезненные точки, поправить ситуацию, вывести её на нейтральные тона, в нужном месте подбодрить, проявить сочувствие. Надя либо не готова к такой роли, либо не желает её брать, поэтому уходит от поддержания темы. В противном случае, возникает риск срыва коммуникации. Риск, оправданный для глубинного интервью, но не всегда — для этнографического. В последнем предполагаются повторные беседы и встречи. Вполне оправданно отложить самые острые переживания, стать чуть ближе собеседнику.

О важном говорят дольше, монологичней, прерывая и поправляя себя, делая паузы, порой отвлекаясь на другие предметы. Интервьюер не должен вмешиваться в такие монологи, вводить в сторону, замещать важную тему нейтральной, менее травмирующей. Сопереживание, кивки или покачивания головой, не более того. Что определяет границы вежливости в обыденном разговоре, зачастую нарушает нарративную насыщенность этнографического интервью, не позволяет углубиться в важнейшие для информанта темы. И только тогда, когда респондент напрямую обращается к интервьюеру, можно включиться в разговор. Такой рассказ о себе может длиться часами — и из короткой зарисовки трансформироваться в большой роман, где первое, краткое, описание жизни станет лишь эпилогом к развернутым повествованиям, трагическим и комическим сюжетам из жизненного мира информанта.

4. Управление контекстом

В стандартизированном, фокусированном или экспертном интервью появление третьих лиц — катастрофа. От интервьюера требуется как-то нивелировать их присутствие, а лучше под любым предлогом сделать так, чтобы они удалились. В этнографическом интервью третьи лица позволяют изменить контекст, вносят новые элементы в динамику разговора, а потому воспринимаются как один из важнейших элементов включенного разговора.

Надя проговорила с тёткой Велей уже около часа. Дополнительным стимулом к разговору послужили альбомы с личными фотографиями, которые они начали рассматривать. Но в гости к тётке Веле пришла её племянница, Лена, что позволило переключить

разговор, наполнить его новыми сюжетами: о пожилом отце Лены, о написанной и самостоятельно изданной ею книге о родном селе (Комментатор показывает книгу зрителям и затем кладёт на стол), об особенностях жизни родственников.

Надя уже заходила к отцу Лены и брала у него интервью. И хотя женщины ещё не встречались, они заочно знакомы. Лена знает о Наде по разговору с отцом, Надя — из прошлого интервью. Потому в текущее интервью как бы привносится дополнительный контекст доверительности: разговаривают знакомые люди. Существенно возрастает количество мест, где речь участников сопровождается общим смехом, шутками, в ней присутствуют иронические конструкции (ЛЕНА[1] — НАДЯ[48]).

Дополнительные расспросы связывают семейные истории, позволяют прояснить неясности, оставшиеся от взятого интервью, а также представить социальный контекст села, увидеть через личные судьбы жизнь северного поселения. Полифоничность, получение сведений из разных источников, чередование разговоров, вписывание их в разные контексты — отличительная особенность этнографического интервью, его визитная карточка.

5. Теоретическая рамка

Надя провела в гостях у тёти Вели два часа. Время за разговорами пролетело незаметно. Начали с коротких реплик, к середине разговора собеседницы уже рассуждали развернуто, с множеством примеров, пространными историями, размышлениями. Только Надя, интервьюер, оставалась в границах коротких реплик, кивков головы и эмпатических подкреплений, маркирующих позицию внимательного и заинтересованного слушателя. Лишь изредка она позволяла себе небольшие отступления от вопрошания, комментируя, ссылаясь на личный опыт. Для респондентов этнографическое интервью мало отличается от обычного разговора — и это первое условие успешной, эффективной работы полевого интервьюера.

Второе условие — надразговорная, внекоммуникативная позиция интервьюера. Коммуникативно, он активный участник разговора, концептуально — наблюдатель, отстраненно фиксирующий собственные промахи или удачные решения, ищущий теоретические конструкты в бытовой речи. Отстранение от коммуникации необходимо для обнаружения её культурных детерминант, бытовых референций, поддерживающих жизненные миры собеседников. Третье условие — незаконченность диалога. Об этом пойдёт речь в следующем комментарии.

Наконец, четвертое и основное условие успешного этнографического интервью — это поиск теоретической рамки для развития исследовательского вопроса, определившего направление беседы. Таких вопросов может быть несколько. Они могут быть сформулированы до или во время полевой работы, могут быть изменены или существенно обогащены в ходе полевых интервью. Важно не это. Теоретическая рамка позволяет удерживать напряжение вокруг поставленного вопроса, расширять или сужать границы проблематизации, развивать интерпретативные или объяснительные схемы.

Как возможны достижения в далекой северной деревне? Чем можно гордиться? Чем гордятся сельчане? Могут ли вестись разговоры о достижениях в таежной глуши? Как смотрят на свою жизнь пожилые люди? Что видят значимого в прожитом и пережитом? Как выделить значимое? Как начать разговор в позитивном ключе, отказавшись от привычного режима жалоб и предложений, наказов власти? Эта череда вопросов о смысле человеческой жизни, о переживании прошлого сквозь призму значимого в настоящем была для нас основной. На незамысловатые прямые вопросы: «Чем вы гордитесь в своей жизни?», «Что вы вспоминаете с гордостью?» — мы получали отрицательные ответы: «Ничем», «Жизнь как у всех», «Всё обычное, привычное, незаметно жизнь прошла, как и не было».

Поэтому встреча в деревне человека, который не просто смог достигнуть некоторого значимого результата: издания монографии об истории родного села, — но сделал это вопреки многим препятствиям, основное из которых — нетипичная, нетривиальная, если не сказать, конфликтная по отношению к деревенскому укладу идея писательского труда, — стала для нас большой находкой.

Глубокий, детальный рассказ о написании и издании книжки о селе не оставил сомнения, что для Лены — это одно из важнейших дел жизни. Изначально мы маркировали это гордостью, но Лена сразу же отменила такое описание. Не гордость, а исполнение своего предназначения, преодоление страха смерти (ЛЕНА[38]). Дело малое, но свое, без которого нельзя, которое определилось всем строем жизни. Не случайны отсылки к бабушке: особая связь, давшая о себе знать через даты рождения и смерти (ЛЕНА[41]), через знамение с дождиком, загаданное желание (ЛЕНА[40]), которое запомнилось и стало важной частью большого рассказа о подготовке книги, предначертании замысла. Помощь материальная и моральная от живых, духовная — от мёртвых, определяет особую энергию Лены, её одержимость в написании истории родного села.

Ограничившись лишь третьим явлением второго действия, можно выделить основные элементы важного дела, проследить критическую взаимосвязь между ними (рис. 3).

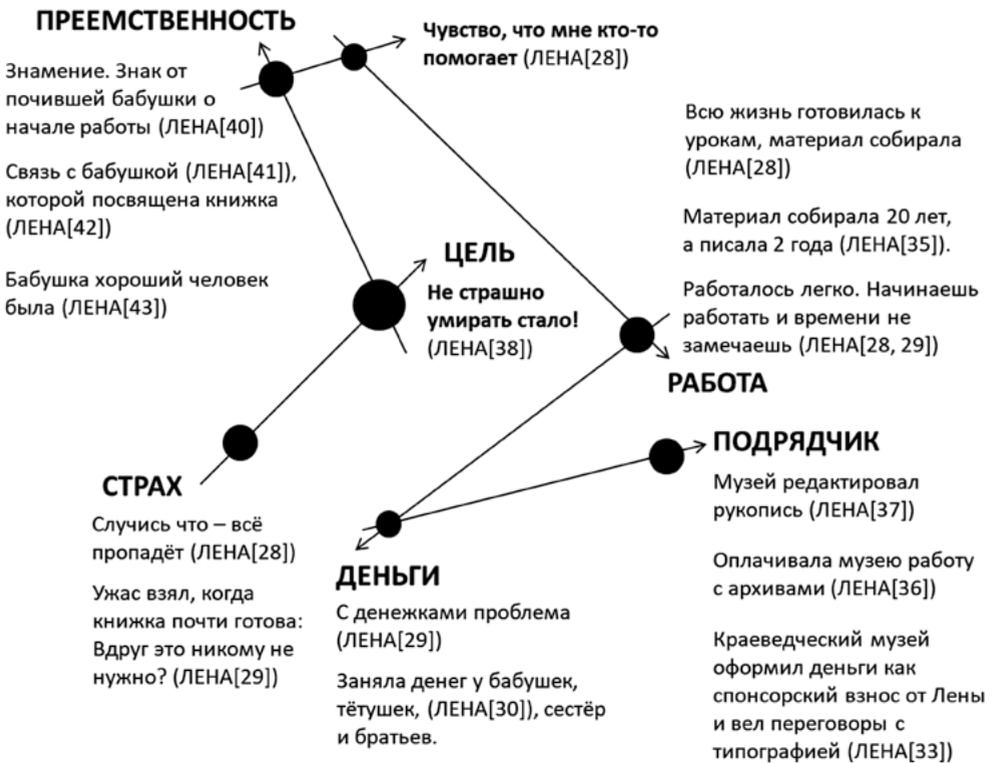

Рис. 3. Элементы важного дела

Страх перед смертью, неисполнением предназначения; преемственность; работа, продолжающаяся с юности; родственники и друзья, поддержавшие деньгами и интересом к замыслу; музейные работники, выступившие подрядчиками в редактировании и подготовке издания — всё это предопределило основной элемент важного дела:

«Не страшно умирать стало!» (ЛЕНА[38]). В такой схеме гордость, действительно, становится лишним, избыточным элементом. Нельзя гордиться призванием, реализацией предназначения. Это, как раз, естественная, единственная возможность, которую так легко пропустить, пройти мимо, исполнение которой и есть смысл жизни, преодоление мирского тлена.

Теоретическая рамка — это не жесткая конструкция, определяющая причинно-следственные связи. Напротив, это система категорий, порой не проясненных, смутных понятий, позволяющих исследователю говорить о наблюдаемом, связывать разнородные явления в некотором едином повествовании. Теоретическая рамка — это грамматика этнографического нарратива, оптика наблюдающего участия (по Алексееву) присутствующего среди информантов исследователя.

6. Незаконченность диалога

Успешное этнографическое интервью, как и разговор между близкими людьми, не имеет завершения. Ни вопросы, ни расположение друг к другу, ни общий смех не могут быть исчерпаны. Успешное интервью — это открытая возможность для будущих встреч, принципиальная незаконченность, незавершенность начатого диалога, радиальная континуальность этнографической работы.

Приход Нади нарушил привычный уклад, за разговором чуть не забылось приготовление обеда. Однако это послужило лишь поводом для возможного его продолжения. «Вы-то сидите», — обращается тётя Веля к Наде (ТЁТЯ ВЕЛЯ[85]), когда та начинает собираться уходить. Аналогичная просьба звучит и в отношении родственницы (ТЁТЯ ВЕЛЯ[85]). Переключение на совместную трапезу могло бы стать хорошим продолжением этнографического интервью. Подобное переключение в иной фрейм речевого взаимодействия не только создает новый контекст для разговора, но и снимает усталость, утомление от прежнего. Последовательная смена разговорного контекста позволяет вести весьма продолжительные — от двух до восьми часов — этнографические интервью. Обе собеседницы под разными предлогами отказываются от продолжения разговора. Однако этот отказ не категоричен и предполагает возвращение, продолжение беседы. В 1969 году у Джеймса Спрэдли вышла монография «Гости никогда не уходят голодными», представляющая культурные паттерны через автобиографию ключевого информанта (Spradley, 1969). Стол, совместная трапеза закрепляет роль гостя за исследователем, открывает дополнительные возможности для ведения неспешных, ненавязчивых и не выходящих за пределы обыденного смысла бесед.

Заключение

Этнографическое интервью — это особый вид разговора, в котором конструируется возможность поддержания диалога в длительной, многолетней перспективе. Это особый формат исследовательской коммуникации, в ходе которой создается этнографический текст: сначала в процессе разговора с информантами, потом во время анализа состоявшегося взаимодействия и описания выстроенной в ходе разговора теоретической рамки и, наконец, в момент теоретического письма.

Представленный в статье вариант осмысления этнографического интервью в виде научной пьесы, с одной стороны, демонстрирует особенности взаимодействия интервьюера и информанта в процессе непосредственного общения, используемые коммуникативные приемы, а с другой — выступает в качестве образовательной практики, насыщая диалогичное общение теоретическими и методологическими комментариями.

Литература

Рогозин Д. М. Формальная процедура определения этнографического интервью // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2018. № 3. С. 24–31.

Sexton J. D. [Rev.] The ethnographic interview — Spradley, J. P. // American Anthropologist. 1980. Vol. 82. № 4. P. 937–938.

Spradley J. P. Guests never leave hungry: The autobiography of James Sewid, a Kwakiuti Indian. New Haven: Yale University Press, 1969.

Roulston K. J. Reflective interviewing: A guide to theory and practice. Thousand Oaks, CA: Sage, 2010. [Ch. 1: Asking questions and individual interviews]

DOI: 10.19181/inter.2018.16.3

Ethnographic interview: science play in two acts and interpretation techniques

Dmitry Rogozin*

* *Rogozin Dmitry — Candidate of Sociological sciences, senior researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS. d.rogozin@list.ru*

The article is devoted to the aspects of the ethnographic interview treated as a specific form of research communication. It is submitted that the ethnographic interview is not just an oral communication of participants, but also the following interpretation of communicative situations, analytical revision of narrative into structured figures and graphs with in-depth description. The author presents the interview in the shape of the science play in two acts with four actions in each. On one side, the science play is a stylized revision of the real interview, so the dialogue among characters is not so different from the transcript of the interview. On the other side, the science play is the space for the intellectual discourse and educational practice. That is why the author adds the role of the commentator, who creates the scientific composition of the play by theoretical and methodological conceptualization of the dialogue. The article also discusses different variants of structuring and interpreting the ethnographic interview stages using the example of the given science play.

Keywords: ethnographic interview, field interviewer, role of interviewer, research communication, interlocution, science play, question-answer communication

References

Rogozin D. M. (2018) Formal'naya procedura opredeleniya etnograficheskogo interv'yu [Formal procedure for defining the ethnographical interview]. Telescope: zhurnal sociologicheskikh i marketingovykh issledovaniy, no 3, pp. 24–31.

Sexton J. D. (1980) [Rev.] The ethnographic interview — Spradley, J. P. // American Anthropologist. 1980. Vol. 82, no 4, pp. 937–938.

Spradley J. P. (1969) Guests never leave hungry: The autobiography of James Sewid, a Kwakiuti Indian. New Haven: Yale University Press, 1969.

Roulston K. J. (2010) Reflective interviewing: A guide to theory and practice. Thousand Oaks, CA: Sage. [Ch. 1: Asking questions and individual interviews]